

Лео Любавич

СКАЗКА
ВДОВЬЯ ДОЧЬ И
ПРИНЦ-НЕВИДИМКА

Лео Любавич

**Вдовья дочь и Принц-
невидимка. Сказка**

«Издательские решения»

Любавич Л.

Вдовья дочь и Принц-невидимка. Сказка / Л. Любавич —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-695369-7

Принц Адриан исчез, став пленником старого колдовства, и в его покинутой комнате поселился Неведомый Ужас. Храбрейшие рыцари бегут оттуда в страхе, теряя рассудок. Но туда, где бессилён меч, войдет Анна — простая бедная девушка с чистым сердцем. Ей предстоит узнать, что страшнее всего на свете не призраки, а одиночество, и что истинное волшебство творит не магия, а любовь и сострадание. Сможет ли она разглядеть душу принца сквозь тьму заклятия и вернуть весну в холодный замок?

ISBN 978-5-00-695369-7

© Любавич Л.
© Издательские решения

ВДОВЬЯ ДОЧЬ И ПРИНЦ-НЕВИДИМКА

Сказка

Лео Любавич

Иллюстратор leonardo.ai

© Лео Любавич, 2026

© leonardo.ai, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-5369-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В то утро солнце заглянуло в спальню короля Леопольда особенно бесцеремонно. Оно скользнуло по бархату, позолоте и ударило прямо в зеркало, перед которым стоял король. Зеркала, надо сказать, народ честный и порой жестокий; они не умеют лстить, даже если перед ними сам монарх.

Леопольд намыливал щеку душистой пеной, как вдруг рука его замерла. Среди густых, темных, как вороново крыло, волос блестела предательская серебряная нить. Первая седина.

– Зима, – тихо сказал король своему отражению. – Зима приходит в мою голову, но в моем доме до сих пор нет весны.

Он отложил бритву и посмотрел в окно. Королевство цвело, пастухи гнали стада, в городе смеялись дети. Но в самом замке стояла тишина – та особенная, звенящая тишина, которая бывает лишь там, где нет детского смеха и топота маленьких ножек. Леопольд понял, что его трон, этот великолепный стул, обитый шелком, на самом деле – самая одинокая вещь на свете. Кому он передаст державу? Кто наденет корону, когда его голова окончательно станет белой, как снег?

Созвали лекарей. О, как важно они надували щеки! Они приносили микстуры, горькие, как полынь, и сладкие, как мёд. Приходили мудрецы с толстыми книгами, в которых пыль веков скопилась гуще, чем мудрость. Приходили священники, воздевавшие руки к небу. Но небо молчало, а колыбель оставалась пустой. Король чувствовал, как страх, холодный и липкий, словно туман с болот, заполняет его сердце. Королевство без наследника – это дерево без корней; первая же буря повалит его.

И вот однажды, когда надежда почти истаяла, как воск на печи, у ворот замка появился странный человек. Его звали Мальвус. Никто не видел, откуда он пришел – казалось, он возник из дорожной пыли и вечерних теней.

Мальвус не стал проситься на постоянный двор. Прямо под стенами королевского замка, там, где цвел шиповник, он разбил свою палатку. Да и палаткой это было назвать трудно: странная, остроконечная башенка из пестрой ткани, увенчанная флюгером, который крутился даже в безветрие.

– Убирайся! – кричали ему стражники, стуча алебардами. – Здесь не место бродягам!

Но Мальвус лишь улыбался, и в улыбке этой было что-то, от чего бравым воякам становилось не по себе.

– Мне нужно видеть короля, – говорил он голосом, похожим на скрип старого дерева. – И король захочет видеть меня.

Стража пыталась его прогнать, но всякий раз, когда они подходили к палатке, ноги их становились ватными, а копья – тяжелее гор. Пришлось доложить Леопольду. Король, который хватался теперь за любую соломинку, повелел впустить странника.

Мальвус вошел в тронный зал, не кланяясь, словно был равным среди равных. Его плащ был потерт, но глаза горели молодым и пугающим огнем.

– Я знаю твою печаль, государь, – сказал маг, не тратя времени на пустые приветствия. – Ты боишься, что твое имя исчезнет, как след на песке.

Он достал из складок плаща яблоко. Оно было золотым, но не металлическим, а живым, теплым и светящимся изнутри мягким светом.

– Вот решение, – прошептал Мальвус. – Разрежь его пополам. Одну половину съешь сам, другую отдай королеве Элеоноре. И пусть она, вкушая, всем сердцем пожелает дитя.

Леопольд протянул руку, но маг отдернул яблоко.

– У всего есть цена, Ваше Величество. Магия – это весы. Если чаша радости наполнится, чаша долга не должна остаться пустой.

Маг достал свиток, написанный на пергаменте столь тонком, что он казался прозрачным.

– Условия просты, – продолжил колдун. – Если родится дочь – она моя. Я заберу её навсегда. Если же родится сын – он будет принадлежать нам обоим. Год он будет жить в твоём дворце, год – в моей башне.

Король Леопольд посмотрел на мага, потом на золотое яблоко. В его душе боролись отчаяние и гордыня. «Дочь? – думал он. – Мне нужен наследник, сын! А если и будет сын... Кто этот бродяга, чтобы диктовать условия королю? Я подпишу, а там... У меня стража, у меня армия. Кто посмеет отнять у льва его львёнка?»

О, как часто мы обманываем себя, думая, что можем перехитрить судьбу!

– Я согласен, – твердо сказал король и, не дрогнув, подписал пергамент. Буквы вспыхнули красным и погасли.

В тот же вечер король и королева съели золотое яблоко. Оно было сладким, но оставляло на языке странное послевкусие – словно смешали мёд и морскую соль, радость и грядущую слезу.

Время шло своим чередом, как ему и положено. Вскоре королева Элеонора расцвела, подобно розе после дождя. Радость вернулась в замок, гобелены стали ярче, а слуги расторопнее. И когда пробил час, в королевской колыбели заплакал ребенок.

Это был мальчик. Крепкий, здоровый, с глазами, синими, как летнее небо.

Леопольд был счастлив. Он держал сына на руках и смеялся, глядя в окно, где далеко-далеко, у горизонта, ветер гонял перекасти-поле. Он совсем забыл о странной пестрой палатке и о том, что подписанный договор – это не просто бумага, а тень, которая теперь будет следовать за его сыном по пятам.

Время – странный лекарь: оно затягивает раны, но оно же и заносит песком память. Принц Адриан рос, и казалось, само солнце поцеловало его при рождении. Это был славный юноша! Глаза его горели живым умом, а сердце было мягким, как воск, для чужой беды, но твердым, как сталь, для несправедливости.

К пятнадцати годам он стал гордостью королевства. Когда Адриан садился на коня, казалось, что всадник и скакун – одно целое, летящее быстрее ветра. Его стрелы никогда не знали промаха и пели в полете, как птицы. А когда он брал в руки лютню, даже придворные дамы, чьи сердца обычно покрыты пудрой и этикетом, украдкой вытирали слёзы – так нежно звучала его музыка. Он читал книги на языках, которые давно забыли даже мудрецы, и смеялся так звонко, что эхо в тронном зале начинало плясать.

Пятнадцать лет пролетели, как пятнадцать дней. О странном маге Мальвусе не было ни слуху ни духу. Ветры сдули следы его пёстрой палатки, а дожди смыли страх. Король Леопольд, глядя на своего великолепного сына, начал думать, что тот давний визит был лишь дурным сном, мороком.

– Кто станет приходить за долгом спустя столько лет? – говорил он себе, поглаживая седеющую бороду. – Расписка, должно быть, давно истлела в кармане старого бродяги, да и сам он, верно, сгинул где-нибудь в овраге.

Ах, Ваше Величество! Память королей коротка, но память магии вечна.

И вот, в день, когда в саду особенно пышно цвели розы, у замковой стены вновь возникла знакомая остроконечная башенка. Она появилась так внезапно, словно выросла из-под земли, как ядовитый гриб после дождя.

Мальвус стоял у ворот. Он ничуть не изменился – время, казалось, обходило его стороной. Тот же потертый плащ, тот же пронзительный взгляд.

– Я пришел за своим, – сказал он просто, когда его привели к королю.

Леопольд побледнел. Он велел принести сундуки, полные золота, он предлагал магу плодородные земли, табуны лучших коней и даже титул герцога.

– Возьми всё! – кричал король, забыв о гордости. – Только оставь мне сына!

Мальвус лишь покачал головой. Его смех прозвучал как шелест сухих листьев.

– Ты хочешь откупиться металлом от времени? Глупый король. Пятнадцать лет он был твоим солнцем, твоей радостью. Теперь чаша весов качнулась. Следующие пятнадцать лет он принадлежит мне. Таков уговор.

– Нет! – вскричал Леопольд и схватился за меч.

Но Мальвус хлопнул в ладоши. Башня его дрогнула, подернулась дымкой и исчезла, словно её никогда и не было. А в тот же миг в королевских покоях, где принц Адриан читал книгу у окна, стало пусто. Осталась лишь открытая книга да легкий ветерок, шевелящий страницы.

Горе пришло в замок, и на этот раз оно было серым и беспросветным, как осеннее небо. Леопольд рассылал гонцов во все концы света. Рыцари в сияющих доспехах скакали на север, юг, запад и восток, но возвращались они на уставших конях, опустив головы. Никто не видел пёстрой башни, никто не видел принца.

Королева Элеонора постарела за одну ночь, а король бродил по коридорам, словно тень, и бормотал что-то себе под нос. Зеркала в замке завесили, ибо никто больше не хотел видеть в них своё отражение.

Покои принца Адриана приказано было не трогать. Всё осталось так, как было в минуту его исчезновения: лютня в углу, перо, забытое в чернильнице, камзол, брошенный на спинку стула. Только пыль, мягкая и пушистая, медленно укрывала вещи серым одеялом.

Но вот слуги начали шептаться.

– Там кто-то ходит, – говорила старая прачка, округляя глаза.

– Я слышал вздох, тяжелый, как могильный камень, – вторил ей привратник.

Люди стали обходить башню принца стороной. По ночам из-за запертой двери действительно доносились странные звуки: то скрип половицы, то тихий, едва уловимый стон, то шуршание, будто кто-то невидимый ищет что-то потерянное.

– Это призрак! – шептали суеверные служанки. – Душа принца вернулась и не находит покоя!

Слухи дошли до короля. В его сердце вспыхнула безумная искра надежды. А вдруг сын вернулся? А вдруг он просто не может выйти? Леопольд сам рвался в комнату, но ноги не слушались его, а руки дрожали так, что ключ не попадал в замочную скважину. Страх перед неведомым оказался сильнее любви.

Тогда король объявил:

– Сто золотых монет тому, кто проведет ночь в комнате принца и расскажет мне поутру, что там происходит!

Сто золотых! За эти деньги можно было купить дом с садом и жить припеваючи до конца дней. Нашлись смельчаки – дюжие гвардейцы, бывалые наемники, хвастливые охотники.

Они входили в комнату с бравым видом, зажигали свечи и клали руку на эфес меча. Но едва часы на главной башне били полночь, дверь распахивалась, и смельчаки вылетали оттуда кубарем, бледные как полотно, с трясущимися губами.

– Что? Что вы там видели? – тряс их за плечи король.

Но они ничего не могли объяснить.

– Там... там... – лепетали они, стуча зубами. – Там никого нет... но там так тесно... и кто-то смотрит... изнутри тебя самого...

Никто из них не видел чудовищ, никто не видел призраков в белых простынях. Но то, с чем они сталкивались в этой тишине, было страшнее любого дракона. Это была пустота, которая умела разговаривать.

Далеко от королевского замка, там, где город заканчивался и начинались огороды да пустыри, стояла покосившаяся хижина. Ветер гулял в ней так же свободно, как и на улице, а в печной трубе жили ласточки – единственное богатство вдовы Греты и её дочери Анны.

Жили они бедно, так бедно, что церковная мышь по сравнению с ними казалась зажиточной дамой. Анна была девушкой тоненькой, как тростинка, с большими серыми глазами, в которых часто пряталась грусть. Дров у них было мало, а еды и того меньше. Часто они ложились спать, поужинав лишь сказками да надеждами, но, как известно, надеждой сыт не будешь, хоть она и греет душу.

И вот, весть о ста золотых монетах долетела и до их кривого переулка. Сто золотых! Для Анны и её матери это были не просто деньги – это была жизнь. Это теплый хлеб каждое утро, новые башмаки без дыр и дрова, весело трещащие в очаге.

– Матушка, – сказала Анна однажды вечером, когда в животе урчало громче, чем в печи. – Сто золотых спасут нас. Я пойду.

Вдова Грета всплеснула руками:

– Опомнись, дитя! Туда ходили солдаты с усами как пики, и те сбежали! Что сделаешь ты, маленькая пташка?

– Солдатам было что терять – их гордость, – тихо ответила Анна, зашивая очередную прореху на переднике. – А мы и так погибаем. Голод страшнее любого призрака, матушка.

Если Бог есть, он не даст меня в обиду. А если нет... то какая разница, где умирать – здесь на холодной соломе или там, на бархатных перинах?

Вдова заплакала, поцеловала дочь в лоб и перекрестила её дрожащей рукой.

Анна пришла к королю. Стражники в золоченых латах посмеялись бы над её штопаным платьем, если бы в замке кто-то еще умел смеяться. Король Леопольд лишь махнул рукой: ему было все равно. Пусть хоть кошка ночует в той башне, лишь бы тайна открылась.

Анну впустили в комнату принца. О, сколько здесь было всего! Мягкие ковры, в которых тонули ноги, картины в тяжелых рамах... Но девушка смотрела только на стол. Там, по её просьбе, оставили ужин: жареную курицу, белый хлеб и кувшин яблочного сидра.

Когда тяжелая дверь за ней захлопнулась и ключ повернулся в замке, Анна не стала дрожать. Она села и начала есть. Как же вкусен хлеб, когда ты не ел его неделю!

Наступила ночь. Тени в углах стали длинными и хищными. Тишина давила на уши, словно ватное одеяло. Глаза Анны слипались – сытый желудок тянул в сон, но спать было нельзя. Чтобы взбодриться, она налила себе полный кубок пенистого сидра.

Вдруг, прямо за её спиной, раздался стон. Тяжелый, протяжный, будто сама тоска обрела голос.

Рука Анны дрогнула. Кубок наклонился, и золотистый сидр выплеснулся на пол, растекаясь липкой лужицей. Сердце её забилось, как пойманная птица, но Анна вспомнила голодные глаза матери и упрямо выпрямила спину.

– Ну чего ты стонешь? – громко сказала она в пустоту. Голос её дрожал, но она старалась говорить бодро. – Если ты дух и хочешь меня напугать – не трудись, я и так боюсь. А если ты человек – выходи, курицы тут на двоих хватит. Я не жадная.

Ответа не было. Тишина стала ещё гуще. Чтобы не сойти с ума от собственного страха, Анна начала говорить всё, что приходило в голову:

– Вот ты тут стонешь, а у меня башмак прохудился. Иголка сломалась вчера, последняя была. А сосед наш, пекарь, такой жадный, даже черствую корку свиньям отдаст, а бедняку – ни крошки...

Так она и просидела до рассвета, рассказывая невидимому собеседнику о своей нехитрой, полной забот жизни.

Когда первые лучи солнца робко заглянули в окно, Анна вздохнула с облегчением. Она пережила эту ночь! Она встала, чтобы размять затекшие ноги, и взгляд её упал на пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.